

Токуаки Баннай

К.В. ЧИСТОВ И РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

1

Фольклористика в наши дни находится в кризисном состоянии. Несмотря на то что Интернет способен предоставить нам безграничный объем информации на фольклорные темы, а число исследований в этой сфере воистину огромно, мы не можем быть уверены, что фольклористика и впредь будет существовать и функционировать как самостоятельная дисциплина. Дело в том, что кризис фольклористики — это не столько кризис одной области науки, сколько коренной вопрос существования самого общества и культуры, в частности традиционного общества и его культуры как таковой. Кризис фольклористики — это вопрос о sustainability, о непрерывности существования общества, или вопрос о возможности самовоспроизводства культуры.

Л.М. Ивлева, осознававшая всю глубину этой проблемы, почти двадцать лет назад (предположительно в 1990 г.) написала в письме в Фонд культуры следующее: «На протяжении десятилетий ломка традиционного уклада жизни и крестьянского мировоззрения сопровождалась насильственным вторжением в сферу народного творчества — духовной и материальной культуры народа, нарушала естественное функционирование и эволюцию системы фольклорных жанров, приводила к изменениям в динамике соотношения традиционных и сугубо профессиональных пластов культуры, к болезненной для нескольких поколений людей смене этических ориентаций и даже к их обескультуриванию»¹.

Эти емкие и точные слова Л.М. Ивлевой можно отнести не только к положению дел в России, но и к глобализованным культурам во всем мире, и к этому ее высказыванию, в сущности, нечего добавить.

Вместе с тем осознание этого кризиса — один из важных факторов существования фольклористики как науки. Надо сказать, что у многих авторов можно встретить утверждение, что фольклористика поэтизирует «старые добрые традиции» и умиленно толкует о происхождении вещей и явлений, ныне вполне забытых. Особенно это относится к Западной Европе, где традиционная культура рассматривается с позиций романтизма и где до сегодняшних дней фольклористику считают наукой «ностальгической». Однако в этой связи чрезвычайно важно напомнить о соображениях Р.О. Якобсона и П.Г. Богаты-

¹ *Ивлева Л.М.* Письмо в Фонд культуры // Судьбы традиционной культуры: сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 25.

рева (1929 и 1931 гг.)¹, которые, говоря о размежевании фольклористики и литературоведения, подчеркивали и необходимость преодоления романтических концепций фольклора. Положения, некогда сформулированные Р.О. Якобсоном и П.Г. Богатыревым, и теперь определяют *raison d'être* фольклористики, ее общие границы и важнейшие задачи, а также задают дальнейшее направление ее развития.

2

В наши дни, после распада СССР, кому-то может показаться, что исследования по русской фольклористике советского периода устарели с появлением новых работ, основанных на новых источниках, базах данных и новейших теориях. Однако невозможно двигаться вперед без точной и беспристрастной оценки и детального осмысления советской фольклористики. Поэтому задача описания ее истории становится сейчас, с нашей точки зрения, весьма актуальной и насущной. Цель такой историографии нам видится не в том, чтобы обозревать идеологические перемены и развертывание наиболее модных нынче теорий, и не в том, чтобы поставить диагноз советской науке о фольклоре как устаревшей и оставшейся в далеком прошлом. Мы полагаем, что необходимо описать фольклористику как своего рода историю идей в широком смысле этого слова, как движение мысли на каждом отрезке времени, как соотношение атмосферы эпохи и общества, народа и интеллигенции, науки и *Zeitgeist* (духа времени), — подобно тому, как это с блеском осуществили М.К. Азадовский и А.Н. Пыпин². Пожалуй, в наши дни работу такого рода стоит провести в еще большем масштабе, включив в поле зрения не только этнографию, лингвистику, историю и искусствоведение; можно подняться на уровень выше и рассмотреть под историческим углом зрения и структурализм, и семиотику, и даже культурологию. Говоря же о фольклористике советского периода, нельзя не сказать об особой роли Кирилла Васильевича Чистова.

К.В. Чистов — выдающийся ученый советского времени, внесший огромный вклад в гуманитарные науки и в частности в развитие фольклористики в 1950—1980 годах, когда появилось много фундаментальных и в то же время новаторских трудов по русскому фольклору. Благодаря ему наука о фольклоре вступила тогда в свой «плодотворный и зрелый» период. К.В. Чистов выстраивал фольклористику на протяжении более чем пяти десятилетий, постоянно задаваясь одним вопросом: «Что такое фольклор и каковы границы употребления этого термина?» — и постоянно осознавая при этом кризисность современной науки о фольклоре.

Идея о том, что историография фольклористики — одна из наиболее важных и необходимых отраслей знания, была весьма существенна для учителя

¹ *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М., 1971. С. 369—383; *Они же.* К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Богатырев П.Г. Функционально-структурное изучение фольклора. М., 2006. С. 118—120.

² *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1890—1892. Т. 1—4; *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1; 1963. Т. 2.

Чистова М.К. Азадовского, от которого он ее воспринял¹. Однажды Кирилл Васильевич поведал мне о своем намерении написать историографию фольклористики. Однако он успел подготовить лишь сравнительно краткую заметку по историографии советской этнографии², и можно только сожалеть о том, что у него не хватило времени на завершение работы.

На нынешнем же этапе при описании историографии русской фольклористики советской эпохи крайне важно определить место в ней К.В. Чистова. Для этого существуют следующие причины. Во-первых, Чистов, как один из выдающихся фольклористов, входит в ядро не только круга ученых «ленинградской школы», но и исследователей всей страны, наряду с Б.Н. Путиловым, Е.М. Мелетинским, В.Е. Гусевым и др. Благодаря научной деятельности К.В. Чистова русская фольклористика стала самостоятельной дисциплиной советской академической науки, что было совсем не просто осуществить в политической и идеологической обстановке тех лет. Во-вторых, сами работы Чистова в период до и после Второй мировой войны, а также до и после перестройки с точки зрения их масштабности и охвата материала представляются самым подходящим и надежным критерием для того, чтобы пересмотреть и переосмыслить процесс становления и развития всей фольклористики XX века, и вместе с тем они становятся важной вехой для понимания современной и будущей фольклористики.

Совсем недавно вышла удивительно масштабная и содержательная книга Т.Г. Ивановой «История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг.». Автор делит развитие русской фольклористики XX века на семь этапов: 1) 1900–1916; 2) 1917–1928; 3) 1929–1941; 4) период Второй мировой войны; 5) 1945–1957; 6) 1958–1986; 7) после перестройки³. Если принять периодизацию Т.Г. Ивановой, то наиболее плодотворный научный период К.В. Чистова, видимо, соответствует пятому и шестому этапам, но нам хотелось бы особо выделить «период Чистова» и назвать его «золотым периодом» российской фольклористики советского времени.

3

Главных областей исследований и достижений К.В. Чистова три: причитания, утопические легенды и общая теория фольклора. Если же прибавить тему «Культурные слои Севера (его архаика и многоаспектность)», то можно считать, что их четыре. Не будем говорить здесь о научном значении его конкретных работ⁴, отметим главное — благодаря фундаментальным исследованиям Чистова сами слова «причитания», «утопические легенды» и «Север» стали понятиями, научными терминами и предметом научного дискурса не только

¹ Чистов К.В. Из воспоминаний о М.К. Азадовском // Воспоминания о М.К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 63.

² Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80-х годов XX в. // Советская этнография. 1983. № 3. С. 3–18.

³ Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009.

⁴ См.: Кирилл Васильевич Чистов // Библиографический указатель. СПб., 2001; и дополнение к нему, составленное А.К. Салминим.

в фольклористике, но и в других гуманитарных науках в России, предстали как своего рода «культурные мифы».

Записи «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова благодаря кропотливому труду супругов Чистовых обрели новую жизнь как критическое издание текста и уже в этом качестве были введены в научный обиход¹. По этому тексту, снабженному детальными комментариями, можно представить себе не только личность и уровень мастерства народных поэтесс — исполнительниц причитаний, но и психологию и ментальность дореволюционного русского крестьянства, и к тому же быт и повседневность русской северной деревни, а также архаические слои многоаспектной культуры Севера. Как известно, в свет вышли две монографии Чистова, 1955 и 1988 годов, повествующие о фигуре И.А. Федосовой и особенностях северной деревенской культуры, где жили лучшие сказительницы. Но вторая книга не просто дополняла и уточняла первую. Во временном промежутке между двумя книгами происходит важная эволюция в научном методе исследователя, углубление интереса к тексту, и вместе с тем сохраняется свойственное Чистову неизменное внимание к контекстам — историко-культурным и социальным аспектам фольклорных произведений².

Фольклорный материал, который Чистов выбрал для своей монографии 1967 года, — это слухи и толки (по классификации немецкого исследователя С.В. Sydow), или исторически ничем не обоснованные устные предания, которые социально-экономическая история и история общественной мысли, зависящие от идеологических веяний, ранее игнорировали почти полностью и которые фольклористика в то время еще не считала жанром фольклора. Эту «дочернюю» несказочную прозу Чистов открыл как «новый фольклорный текст». Новизна присутствовала в отношении не только материала, но и метода описания и выводов монографии. Исследуя пути распространения и историю легенд о «далеких землях» и «избавителях», Чистов описал историко-социопсихологические и культурологические особенности дореволюционного крестьянства. Его монография — эксперимент по историко-структуралистскому познанию мироощущения русского народа, описанием которого почти не интересовались тогдашние советские историки, фольклористы, психологи, социологи и т.д., поэтому его книга положила начало новому, своеобразному направлению в гуманитарных науках СССР. Добавим также, что тогда в Западной Европе, Америке и Японии тоже зарождались новые движения по исследованию так называемой социальной истории и переоценке школы «Анналов» и появилось много экспериментальных работ (например, исследования Ле Руа Ладюри, Жака Ле Гоффа, Филиппа Арьеса, Натали Земон Дэвис и других по повседневной, ментальной истории французских горожан и крестьян; работы Эдварда Томпсона по «живому голосу», быту и общественному сознанию английского народа; работы итальянского историка Карло Гинзбурга по микроистории народной культуры Италии; работы японского историка-германиста

¹ Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым / изд. подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1–2.

² Чистов К.В. Народная поэтесса И.А. Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955; *Он же*. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. См. рецензию Т. Банная на последнюю монографию в журнале «Филологическая культура». Т. 27 (Университет Хитоубаси, Токио, на яп. яз.).

Абэ Кинья по средневековому мировоззрению на материалах сказок, легенд, исторических фактов; исследования Ниномия Хироюки по французской макросоциальной истории и многое другое).

С точки зрения принятых тогда в фольклористике понятий утопические легенды не представляли собой отдельного жанра, не входили в круг фольклорных текстов и виделись большинству как отклонение от классического жанра. Что касается причитаний, то фольклористам в общем и целом было известно об И.А. Федосовой, о текстах в записи Е.В. Барсова и о существовании традиции «плакать во время свадьбы и похорон». Но все-таки по сравнению со сказкой, былинной, народной песней и т.п. причитание до тех пор не рассматривалось как полноценный самостоятельный жанр. Обе эти разновидности устных текстов, утопические легенды и причитания, считались если и жанрами, то малыми, второстепенными, неклассическими, нетрадиционными. Но именно «периферийность» этих текстов позволила Чистову осуществить их новаторский анализ и выработать новую точку зрения на фольклорное произведение в современной ему ситуации. Для этого Чистов должен был переорганизовать общую теорию фольклористики, и с этой целью он предпринял изыскания по общей теории, истории и этнографии. В поисках междисциплинарных комплексных методологий и подходов ученый решительно и смело вступал в дискуссии с фольклористами и этнографами, литературоведами и историками, психологами и искусствоведами.

4

Что же явилось основной движущей силой и позволило К.В. Чистову совершать эту непрестанную работу, плоды которой были оригинальны, даже радикальны и которая при этом выполнялась им со всей возможной тщательностью? Мы расскажем о четырех обстоятельствах — так, как нам это представляется.

Во-первых, в 1930–1940 годах Кирилл Васильевич слушал «живое исполнение» крупнейших народных мастеров фольклорной традиции: М.М. Коргуева, П.И. Рябинина-Андреева, Ф.А. Конашкова и И.Т. Фофанова¹. Все эти люди были, может быть, «последними исполнителями» уходящего периода так называемого «классического» существования фольклора. Чистов — один из счастливых свидетелей тех времен.

Во-вторых, Чистов писал собственные работы, находясь под сильным влиянием своих блестящих учителей. Не только яркое созвездие филфака ЛГУ (В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, Г.А. Гуковский и др.), но и научные сотрудники Института русской литературы АН (Н.П. Андреев, Г.С. Виноградов, А.М. Астахова, А.И. Никифоров и др.) и, конечно, наиболее близкие к Чистову по специальности его руководители — М.К. Азадовский и В.Я. Пропп — все эти выдающиеся ученые были носителями мощной филологической традиции Петербурга–Ленинграда, и их значение для научной деятельности К.В. Чистова неизмеримо велико. Невозможно переоценить,

¹ Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего... Воспоминания. СПб., 2006. С. 32–33, 76–108, 175–182.

например, роль Азадовского в становлении Чистова как фольклориста — об этом сам Кирилл Васильевич не раз писал в своих заметках, воспоминаниях и статьях¹.

Хочется здесь упомянуть об особенностях «русской школы» фольклористики в связи с ее особым вниманием к роли и значению фигуры сказителя. Чистов, будучи несомненным представителем «русской школы», не только описал биографию и психологию И.А. Федосовой, особенности ее личности и мастерства, но и резко осудил тогдашнюю фольклористику, которая почти не обращала внимания на личность сказителя — исполнителя фольклора. В 1970-х годах постановка вопроса о значении сказителя в духе «русской школы» в конце концов была принята и полностью утвердилась в мировой фольклористике (см., например, работы Линды Дег и др.), начав развиваться в рамках теории нарратива. А в СССР в то время отнюдь не случайно появлялись работы А.Я. Гуревича, М.И. Стеблин-Каменского и других, посвященные значениям и функциям личности в традиционном обществе.

В-третьих, важным фактором стало «этнографическое направление в фольклористике» (называемое иначе как «этнографизация фольклористики», или «филологизация этнографии»), благодаря которому начался «золотой век» русской фольклористики, захвативший вторую половину XIX и начало XX века. Такая ориентация и поныне является основой гуманитарных наук в России, хотя об этих достижениях мало известно вне России. Эту научную традицию Чистов не только усвоил и унаследовал, но и развил — как в своих монографиях о причитаниях и утопических легендах, так и во многих теоретических трудах по фольклористике и этнографии. Общеизвестно, что “*Russische (Ostslavische) Volkskunde*” Д.К. Зеленина, несмотря на то что эта работа была завершена в 1920-х годах, и сейчас имеет научное значение как самый надежный и достоверный аналитический обзор по российской фольклористике, отразивший тесную взаимосвязь этнографии и науки о фольклоре. Книга Зеленина в русском переводе, которая вышла в свет под научной редакцией К.В. Чистова², стала настольной не только для каждого этнографа, но и для фольклориста, историка, литературоведа, да и вообще для русиста любой специализации.

В-четвертых, как сумма трех вышеназванных мотивов, побудительной силой для Чистова были расцвет и бурное развитие в России 1960-х годов гуманитарной науки в целом. Нам хотелось бы назвать этот бурный расцвет феноменом обвала, тектонического сдвига, феноменом землетрясения, или, по терминологии Ю.М. Лотмана, «взрывом». Что такое русская народная культура и вообще что такое русская ментальность, что такое русский текст, или, иначе говоря, как понимать, каков субстрат русской культуры? Чтобы ответить на эти простые и вместе с тем коренные вопросы, лингвистика и литературоведение, археология и история, социопсихология и искусствоведение, отчасти

¹ Чистов К.В. М.К. Азадовский и проблемы исполнителя в русской фольклористике XIX–XX вв. // Советская этнография. 1989. № 2. С. 71–81; *Он же*. М.К. Азадовский и фольклористика (к 100-летию со дня рождения) // Известия Сибир. отд-ния АН СССР. 1988. № 16. Вып. 3. С. 36–40; *Он же*. Из воспоминаний о М.К. Азадовском // Воспоминания о М.К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 59–78.

² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивинной; примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович и К.В. Чистова; послесл. К.В. Чистова. М., 1991.

религиоведение и, конечно, фольклористика и этнография советского времени то горячо и остро спорили, то мирно сотрудничали, но в конце концов добились значительных результатов. В области методологии гуманитарных наук переоценивались и классические теории каждой дисциплины, и теории формализма, и теории структурализма; создавались «новые» теории семиотики, этнолингвистики, коммуникации и т.п. В то время в русле новых мощных интеллектуальных течений 1960-х годов важными предметами исследований вновь стали миф, язычество, обряд и обрядовый фольклор, праздник и карнавал, городской фольклор и народный театр, а также более абстрактные явления, например «трудовая традиция» и «народная эстетика», которые в большинстве случаев выпадали из поля зрения фольклористов и историков русского народа, понимаемого как крестьянство. Чистов находился в самой гуще этой динамично развивающейся ситуации в науке, более того, он сыграл в ней существенную и решающую роль как организатор.

Очень важно то, что сам Чистов называл себя «шестидесятником». В «Общем введении» к дополненному изданию книги 1967 года (переиздание 2003 г.) он прямо говорит о побудительных мотивах к написанию монографии о русских утопиях. Его интуиция этнографа и историка, основанная на научном знании, давала ему основания думать, что в 1960-х годах разрушилась утопия XIX века, воплощенная в идеях, учениях и социальных движениях, которая была образцом не только для СССР, но и для многих стран мира. Осознав этот кризис, он задумал написать монографию, чтобы заново переосмыслить в ней сложившуюся картину мира и пройденный наукой путь в свете опыта XX века. Чистов писал: «Опыт XX века заставил опасаться не столько того, что утопические идеи могут оказаться нереализованными, сколько того, что они могут в конце концов реализоваться»¹.

Проводя свое глубокое академическое исследование, Чистов словно постоянно пристально всматривается в эту мечту-утопию человечества, оценивая ее в свете сегодняшнего дня.

5

Теперь скажем кратко о научном значении работ Чистова.

Во-первых, для них характерен безусловный позитивизм и на его основе строго выверенный филологизм, которые проявлялись во всех его работах до конца жизни. Прочные основы тех «культурных мифов», о которых мы уже говорили выше, были заложены и утверждены текстологическими трудами автора (и авторов — Б.Е. и К.В. Чистовых), и уровень этих трудов можно назвать редкостно высоким.

Текстология, или аналитическая рецепция текста, включая и перетекстовку, всегда осуществлялась Чистовым именно на таком высоком уровне, что бы он ни делал — начиная от исследования причитаний и составления комментариев к ним и до изучения фольклора так называемых *ostarbeiter* — советских

¹ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 19.

военнопленных в Германии¹. В своей рецензии на «Утопические легенды» В.Я. Пропп², хотя и критиковал употребление термина «легенды», при этом очень высоко оценил новаторство этой книги в отношении и аналитического изучения материалов, и ее выводов. Удивительно, что в этой краткой рецензии В.Я. Пропп пять раз употребил слово «максимально» («максимально аналитическое, детализованное»; «максимально подробно»; «максимально скрупулезного»; «максимально полную <...> чрезвычайно колоритную»; «максимально подробно и пристально»). Этот факт свидетельствует о высочайшем качестве исследовательского подхода К.В. Чистова к тексту.

Вместе с тем филологизм Чистова не ограничивается словесным аспектом. Фольклорный текст в его понимании мог иметь не только вербальную природу, хотя он и не принял более общего, расширенного семиотического понимания текста. Филологизм Чистова всегда был обращен к тому, что находится вне текста, например к быту, действительности или идеям. Фольклористика Чистова всегда была комплексной и междисциплинарной в подлинном смысле слова, не отгораживалась от смежных дисциплин, сохраняла свойства открытости.

Второе важное достоинство трудов К.В. Чистова — это «густое или насыщенное описание» (по выражению замечательного американского этнографа Клиффорда Гирца), которому свойствен не только строго научный подход, пристальное и цепкое внимание исследователя, но и бодрая, энергичная и живая манера повествования, словно автор говорит от имени фольклорного сказителя. В.Я. Пропп в упомянутой выше рецензии, прибегнув к своей излюбленной метафоре «скелет—плоть», написал следующее: «Схема представляет собой как бы скелет, но изучается собственно не он, а живая плоть повествования, которая его облекает и которая составляет основной предмет исследования»³. Именно эта «живая плоть повествования» и была представлена в работах Чистова.

В этой связи нам сразу вспоминается заметка Ю.М. Лотмана, хотя и незавершенная, но содержательная и очень интересная, которая увидела свет уже после смерти автора. Это эссе «Азадовский и Пропп — два подхода», помещенное в «Двойном портрете»⁴, где Лотман рассказывал о своих учителях филфака ЛГУ 1950-х годов (кстати, это не мемуары, ведь Лотман категорически отказывался писать воспоминания). В этой заметке, сравнивая двух своих руководителей по русскому фольклору, Ю.М. Лотман указал на существенную разницу в методологии этих превосходных фольклористов. Это разница подхода к предмету изучения. С точки зрения Лотмана, будущим филологам в то время более всего импонировал Пропп и предлагаемый им подход «от модели к тексту», оригинальные идеи Проппа «представлялись тем долгожданным новым словом, которое призвано совершить переворот в филологических науках». А вот метод Азадовского — «от текста к модели» — «казался эмпирическим и недо-

¹ Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942—1944 / сост. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. М., 1998.

² Пропп В.Я. «Русские народные социально-утопические легенды» К.В. Чистова // Советская этнография. 1969. № 2. С. 141—143.

³ Там же. С. 142.

⁴ Лотман Ю.М. Двойной портрет // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 64—67.

статочно концептуальным» и меньше интересовал молодых фольклористов. Задумаемся: как же в этом свете следует понимать подход самого Чистова: «текст — структура» или «структура — текст»? Однако похоже, что нам необязательно выбирать одну из альтернатив, сам Лотман в конце заметки писал, что «следовало бы сказать “минимально два подхода”», и, разумеется, он не мог не поставить человека в качестве третьего элемента между структурой и текстом. Далее Лотман отмечал: «Сочетание роста и уменьшение вариативности, как правило, образует в живой динамической структуре пульсирующее пространство, на фоне которого высвечиваются тенденции развития и старения».

«Пульсирующее пространство», которое образуется «в живой динамической структуре», — это «живая плоть повествования» Чистова: автор, если можно так выразиться, двигался от текста к модели, а потом вновь возвращался от модели к тексту, совершая тем самым поступательно-возвратные движения.

В-третьих, Чистов постоянно критиковал «закрытую статическую» фольклористику, подвергая пересмотру самые ее основы. Его целью было сформировать фольклористику не как косную академическую дисциплину, а таким образом, чтобы эта, подлинная, фольклористика всегда была готова ответить на самый основной и бесыскусный вопрос: «Что такое фольклор?». Чтобы самому найти ответ на этот фундаментальный вопрос, он не раз отказывался следовать привычным методам работы фольклориста «в поле», корректируя уже существующие теории и подходы; с огромным интересом и ожиданиями он обращался к структурализму, семиотике, культурной антропологии. В начале этой статьи мы упомянули о кризисе фольклористики и фольклора. Пожалуй, пока трудно однозначно сказать — идет ли ситуация после Чистова к углублению кризиса или, наоборот, мы имеем дело с развитием разнообразия и многоаспектности. Но наследство, которое мы получили в виде печатных трудов и результатов обширной деятельности Чистова, велико и значимо еще и тем, что это труды ученого — решительного противника, так сказать, «обескультуривания» фольклора и «обесчеловечивания» фольклористики.

Очень точно сказала о нем его верная и талантливая ученица Т.А. Бернштам: «Он мастер — одна из ключевых фигур в российской гуманитарной традиции»¹.

¹ Бернштам Т.А. Мастер и традиция (к юбилею К.В. Чистова) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 167.